

Светлана Захарова:

Переход примы Мариинского театра Светланы Захаровой в Большой стал главной балетной сенсацией начавшегося сезона. К 24-летней балерине, покорившей главные мировые сцены, сегодня приковано внимание профессионалов и ценителей балета.

За семь мариинских сезонов она освоила все заветные классические партии: Жизели, Одетты-Одиллии, Авроры («Спящая красавица»), Никии («Баядерка»), Медоры («Корсар»), Китри («Дон Кихот»), станцевала в балетах Баланчина, Макмиллана, Ландера. Успела поработать с «живым классиком» Джоном Ноймайером и молодым знаменитым Алексеем Ратманским.

Захарова удивительным образом воплощает мечту об идеальной балерине: грациозное, хрупкое сложение, редкостной красоты «певучие» ноги, мягкие, плавные руки, значительность жеста, выразительные текущие линии. Кажется, что ей ближе академический стиль. Но, приглядевшись поближе, понимаешь, что именно в классических балетах Захарова опровергает каноны «правильного» танца.

Москва влюбилась в Захарову на гастролях Мариинки. Когда вчерашняя выпускница Вагановки станцевала маленькую партию Повелительницы дриад в «Дон Кихоте», а затем – Жизель, даже самые придирчивые балетоманы зашлись в восторг. С тех пор руководство Большого пыталось ее заполучить.

Захарова не спешила. Хотя часто танцевала в Большом. Но вот примой Мариинки овладела «охота на перемене мест». Такие виражи в свое время сделали Марина Семенова, Галина Уланова, Людмила Семеняка.

– Светлана, как вы попали в балет?

– Балериной мечтала стать моя мама, которая прекрасно разбирается в балете, и она мой самый строгий критик. Сама она танцевала народные и балетные танцы. Вот и привела меня в Киевское хореографическое училище, где я училась 6 лет.

– В 1995 году выиграли конкурс Vaganova-priz. В Петербург вас делегировало Киевское училище?

– Да, и после победы меня сразу взяли в выпускной класс Вагановского училища. Так перепрыгнула через один год.

– Как вас встретили в Вагановском?

– Мне показалось, там меня ждали. Я пришла с хорошей школой. Ведь мой киевский педагог Валерия Ивановна Сулгина учила по вагановской методике. Так что я легко адаптировалась. Интернатский ребенок, я была окружена всеобщей любовью.

– У вас не было кумиров?

– Нет. Мне никому не хотелось подражать.

– Но кто-то хотя бы повлиял на вас в профессиональном смысле?

– Мой репетитор в Мариинке Ольга Николаевна Моисеева. Она блестящая балерина и суперпрофессиональный педагог. Первое время я беспрекословно ее слушала. Спустя какое-то время я стала предлагать что-то сама. Мы пытались делать не так, как «у всех». Ольга Николаевна очень расстроилась, когда я приняла приглашение Большого театра. Но мы постоянно общаемся.

Сейчас, выступая по контрактам в лучших театрах мира, я наблюдаю, как работают мои коллеги. Подсматриваю, как работают у них ноги, стопы. Пробую. Тело постепенно воспринимает. А они смотрят на меня. Происходит такое взаимное влияние.

– Как получилось, что вы репетируете с Семенякой?

КУЛИСЫ КУЛУАРЫ

Среди балерин дружеских отношений не бывает

– Людмила Ивановна – тоже выпускница Вагановского училища. В прошлом сезоне, выступая в Большом в качестве гостя, я с ней репетировала «Жизель» и Тени из «Баядерки». Иметь такого педагога в театре – знак исключительного профессионализма администрации и труппы.

– Ваша первая партия в Мариинском театре?

– Мария в «Бахчисарайском фонтане».

– Страшно было?

– Ну... Я готовила партию спокойно, целенаправленно, потому что знала: на меня сделали ставку. С самого начала меня никогда не занимали в кордебалетных репетициях. А балеринский кураж я уже успела ощутить после училищного «Щелкунчика». Я станцевала Машу – и мне показалось, что все получилось. Конечно, в театре мне так спокойно уже не было.

– Приходилось ли вам танцевать «не свои» партии?

– Все, что я танцую, – мое. Иначе зачем? Другое дело, что, пересматривая свои записи «Жизели», я поняла: все надо делать проще! Когда я начинала танцевать «Лебединое», лучше получалась Одиллия. Я ее даже лучше чувствовала. С Одеттой сложнее. Она безгранична. Вообще мне всегда хочется танцевать партии, вроде бы не совсем подходящие для моей физики. Обожаю «Дон Кихота». Правда, в Мариинке станцевала Китри всего пару раз. Вот агитирую Николая Цискаридзе подготовить Базиля. Думаю, будет интересно.

– Вашими партнерами были Игорь Зеленский и Владимир Малахов. А с кем, кроме Цискаридзе, хотите танцевать в Большом?

– В современном балете не существует такого понятия, как «пара». Бывает, в один гастрольный приезд я танцую три

«Лебединых» с разными партнерами. И в Большом хочу работать так же. «Дочь фараона» станцую с Сергеем Филиным. Мы вместе танцевали «Лебединое» на сцене лондонского Альберт-холла.

– Как вам сцена Большого? Иногда балерины жалуются на покот, большую площадь.

– Мне приходится танцевать и на гораздо больших сценах: в Токийском национальном театре, в парижской «Бастилии». В Большом сцена очень удобная. На последней «Жизели» я почувствовала, что она «моя» – хотелось заполнить ее целиком. А к покату я привыкла в Мариинке.

– В каких отношениях вы остались с Мариинским театром?

– В хороших. А разве может быть иначе? Ведь я его дитя. Там мое начало. Когда я увольнялась, мне оставили пропуск. Я всегда могу прийти туда. В этом сезоне станцую в Мариинском несколько спектаклей.

– Важна ли для вас реакция публики?

– Я очень чувствую зал. Но иногда раздражает, когда хлопают в такт музыке. В Лондоне такого никогда не услышишь. Это наша традиция и американская. Хотя на сцене меня ничто не содей.

– Как бы вы определили ваш характер?

– Я целеустремленная. То, что

Светлана Захарова и Николай Цискаридзе репетируют. Возможно, будущего «Дон Кихота»

зaduмаю, – сделаю. И не как-нибудь, а хорошо.

– Интересно, а вне театра балерины общаются с партнерами? Например, вы – с тем же Цискаридзе?

– На гастролях – да. Бывает, соберемся и вместе пойдем в ресторан. Коля ведь очень веселый! А дома не до общения. После репетиции у всех свои дела.

– А с мариинскими коллегами – Лопатиной, Вишневой, Махалиной, Ниорадзе – поддерживаете дружеские отношения?

– Среди балерин дружеских отношений не бывает. Когда работала там, общалась, конечно. Ходила на премьеры. Интересно ведь посмотреть, как человек работает. Но никаких сердец нараспашку и душевных разговоров.

– Где поселились в Москве?

– У Садового кольца. Мне нравится. Спонсоры театра снимают для меня квартиру. Мы живем там с мамой и братом. Когда к тебе хорошо относятся, хочется работать еще лучше.

– Известно, что балерины капризны в оценке своих сценических костюмов. А вы?

– В Петербурге мне здорово шили два мастера. Но личных костюмов у меня нет. Все театральные. Я люблю в костюме что-нибудь поменять: цвет, фасон. Если приезжаю выступать в крупные театры – там шьют для меня специально. В Большом работают прекрасные мастера. Они все понимают. Замечательно кроют и шьют по какой-то только им ведомой технологии.

– А за модой следите?

– Конечно. В вечерней одежде чувствуешь себя абсолютно иначе. Но в повседневной жизни не люблю выделяться. Обожаю духи. Постоянных пристрастий нет.

– У вас особый режим дня?

– Никакого. Рано встаю, поздно ложусь.

– Дурацкий, быть может, вопрос: что вы делаете с изношенными пуантами?

– Выбрасываю. Ведь каждый день новая пара. Куда их девать за столько лет?!

– Может, дарить поклонникам?

– Не просят. Хотя за границей – да, бывает. В Англии, в Японии вообще отношение к артистам особенное. После спектакля поклонники толпами осаждают служебный подъезд. Приносят цветы, игрушки, подарки. Часами ждут около отеля.

– Чем вознаграждаете их терпение?

– Близо сложно общаться. Если подпускаешь к себе людей, которые тебя любят как балерину, они начинают требовать большего. Но жизнь вне сцены совсем другая!

– Успеваете ли ходить в другие театры?

– Недавно была в Малом. Пришла после репетиции уставшая. Но игра актеров настолько меня захватила, что я вышла в прекрасном настроении. Вот и я хочу работать так, чтобы люди после моих спектаклей становились счастливыми.

Беседовал
Алексей ИСАИЧЕВ

Захарова Светлана
 29.10.03